

Наверное, в семейной традиции, - говорит Нина Михайловна. - Мой дед, царский генерал Иван Гаврилович Матвеев, в апреле 1918-го, после Февральской революции, написал бабушке прощальное письмо: «Дорогой друг мой! Я христианин по крещению и офицер по присяге. То, что происходит сейчас в моей стране, противоречит и тем, и другим принципам. Поэтому прости меня, но бороться за свою жизнь я не буду и да будет на все Господня воля». Он был глубоко верующий человек, патриот и не мог ни эмигрировать, ни покончить с собой. А здоровье после тяжелых ранений в Русско-японскую войну было плохое, и вот он предпочел своеобразную эвтаназию. Во время очередного сердечного приступа принимать лекарства не стал... Его последняя просьба к бабушке была - не оставлять Россию.

Антон Иванович Деникин - его младший сослуживец по штабу Российской армии в Варшаве, где дед прослужил почти двадцать лет. Кстати, часы, которые всю жизнь стоят на нашем столе, дед получил в подарок в связи с получением генеральского чина. На них выгравированы фамилии сослуживцев, в том числе Кутепова и Деникина, тоже будущих генералов.

- Смогла ли бабушка чем-то помочь новой стране?

- Она старалась. Софья Степановна в свое время окончила университет в Сорбонне, но преподавать в вузе не могла - мешало происхождение. И она в школе учила детей математике, создала свою, матвеевскую, систему, которой посвящен один из разделов Музея истории Москвы. Считала, что в основе восприятия мира должна лежать математическая логика, при обучении грамоте использовала скоростное чтение. А еще учила труду - преподавала слесарное дело, токарное, показывала, как конструировать одежду, шить обувь, переплетать книги. Все это она сама превосходно умела. Правда, продолжалось это недолго. Потом власти объявили, что советским детям ничего такого не нужно, а ее обвинили в формализме, космополитизме и тому подобным грехам.

- Досталось, наверное, не только бабушке?

- Маму не принимали в вуз из-за происхождения, приходилось хитрить. Пошла на завод, проработала два года токарем, и уже оттуда ее направили на учебу. Когда мама уходила из жизни, она мне сказала: то, что могла, я сделала, и мне не стыдно умирать.

Отец был из кубанских казаков, из станицы Архангельской (нынешний Буденновск). В 1932 году там в один день расстреляли двадцать девять его родственников. Но сознание связи с этой землей, чувство долга перед родными для него было выше опасности. И отец сошел с парохода, на который проводил своих родственников, уезжавших за границу.

Все в руце Божией. Я имею право так говорить, потому что кроме русского гражданства у нас с мужем есть и американские грин-карты, и литовские паспорта, причем получили их не по своей инициативе. Мы никогда не собирались покинуть страну.

- У вас около восьмидесяти книг о российской истории, искусстве. Откуда такая увлеченность?

- От моего другого деда, Сигизмунда Кржижановского. При жизни его не печатали, хотя он был сценаристом таких фильмов, как «Праздник святого Йоргена», «Гулливвер в стране лилипутов». Сегодня это вновь открытый писатель, которого называют русским Кафкой. Вышло уже несколько томов его собрания сочинений. Когда я была еще маленькой, он гулял со мной по Замоскворечью, учил всматриваться в каждый дом и рассказывал о людях, которые жили там когда-то.

А когда я поступила в университет, то курсовую работу посвятила давно знакомой Климентовской церкви, расположенной в одноименном переулке. На меня косилось церковное начальство, которое не могло понять, почему девчонка роется в архивах епархии в то время, когда по всей стране закрывают и рушат церкви. И в университете эти изыскания вызвали неодобрение: ведь счита-

Нина МОЛЕВА:

Когда генерал Деникин предложил ее бабушке поскорее расстаться с революционной Россией, та отказалась покинуть землю, где похоронен муж. Ее внучка, профессор Нина Михайловна Молева, о бабушкином решении не жалеет. И дело тут не в том, что профессиональная карьера удалась - доктор исторических наук, кандидат искусствоведения, писатель и художник, не обойденный многочисленными престижными наградами, отечественными и зарубежными... А в чем же?



ДОЛГАЯ ДОРОГА ЧЕРЕЗ ДВАДЦАТЫЙ ВЕК

лось, что церковь проектировал русский архитектор, а оказалась - итальянец... Но все же моя работа стала основой монографии, за которую я потом получила первую премию на Всесоюзном конкурсе научных студенческих работ. Уже тогда я твердо знала: историк должен быть выше сиюминутной политики.

- А как же цензура? Были проблемы?

- До 1991 года - очень часто. Например, Андропов лично не дал выйти моей книге о художнике Федоре Рокотове. Дело в том, что Рокотов был связан с масонами, и я объяснила, что такое русское масонство, какую роль оно сыграло в просвещении. Но властей устраивала только отрицательная оценка масонов, мне предложили убрать одну из глав. Я не согласилась, и книга вышла только после 1991 года, без купюр. Я вообще не допускала цензурских купюр в моих книгах. Если на них настаивали, то забирали рукопись.

- Но ведь дело не только в купюрах. Среди редакторов той поры было много любителей вставлять в тексты цитаты вождей. И как вы реагировали?

- Впервые я с этим столкнулась в середине 50-х, мне предложили вставить любую цитату из Сталина. Я ответила, что это не имеет отношения к моей теме. Вскоре состоялся XX съезд, и книжка вышла.

И все-таки один раз пришлось отступить от принципов. Это произошло в прошлом году с книгой «Баланс столетий», изданной «Молодой гвардией». Там был мой анализ событий, связанных с Павликом Морозовым. Я написала, что каждый раз, когда у нас начинался идеологический пресинг, вспоминали об этом мальчике. Его именем называли улицы, ставили памятники. Потом забывали до следующей кампании. Когда книга была уже практически готова, главный редактор поставил условие: или уберите этот текст, или я не подписываю в печать... Так что цензоры по-прежнему бдят.

- Что вас больше всего привлекает в русской истории?

- Ее четкий стержень: стремление народа к справедливости как уни-

версальному критерию добра и зла. И слава, и хула отдельных личностей у нас определяется этим мерилом.

Есть у меня роман о Марине Мнишек. Я его начала со сцены, где палач вешает ее четырехлетнего сына. И бабы на площади падают в обморок оттого, что так - нельзя! Более того, матери не дали проститься с ребенком, и толпа негодуя кричала палачам: вы звери или кто?! Кстати, сама Марина была первой в российской истории венчанной на царство московской царицей.

- А кто из исторических личностей вам близок?

- Мне интересна эпоха российского просвещения, я ее изучала в архивах, по первоисточникам. Что же касается отдельных персонажей, то я была бы плохим врачом, если бы делила пациентов на любимых и нелюбимых. Чтобы разобраться в процессах, никому нельзя отдавать предпочтения. У каждого человека можно найти сотни поступков, которые его не украшают, и далеко не обо всем я бы сообщала широкому читателю.

- Пожалуй, никто из россиян не удостоился такого гигантского памятника, как Петр I. Соразмерно заслугам?

- У меня сложное отношение к Петру. Именно при нем произошло закрепощение крестьян, хотя отец его предупреждал, что это к добру не приведет. Суворов однажды сказал о себе: я чист перед Господом в том, что не загубил ни одной лишней солдатской жизни. В отличие от него Петр людей не видел, губил их бесчестно. При этом был малообразован, набравшись грамоты лишь от дьяка Никиты Зотова. Полное самодержавие, полное самовластие - все это появилось при Петре. Князь Меншиков, как известно, крупнейший казнокрад, и император даже распорядился начать следствие. Но все равно оставил на посту - Меншиков был удобен. А если второе лицо в государстве стояло над законом, чего требовать от остальных? Это правление по понятиям, последствия которого мы ощущаем до сих пор.

На важнейшие посты ставил не специалистов, а приятелей. Во вре-

мя Северной войны артиллерией командовал его товарищ по детским играм грузинский царевич Александр Арчилович. В результате наша армия осталась без артиллерии, а сам царевич попал в плен.

- Одна из ваших общественных забот - столичные памятники истории и культуры. Как на них отразились перестроечные времена?

- То, что сейчас происходит в Москве, - это уничтожение подлинной истории. Памятники либо сносятся, либо реставрируют. Например, дом в Сивцевом Вражке, где жили Аксаковы. Это был очень красивый деревянный особняк начала позапрошлого века. Сейчас его разобрали до основания, а на том месте построили каменный и обожьют деревом. Это все равно что единственное письмо от деда, его фронтовой треугольник, обветшавший и потертый, заменить ксерокопией. В результате мы лишимся подлинного памятника. Я это определяю как полное отсутствие культуры чувств.

А как можно так изуродовать Манежную площадь? Я бы еще поняла стремление воссоздать тот вид площади, какой она имела во время строительства университета - ведь сохранились великолепные гравюры того времени. Уверяю вас, есть на что посмотреть. Так нет же... Как можно рядом со стенами, которые выдерживали осаду врагов, около Могилы Неизвестного Солдата устраивать торгово-увеселительный центр? Наконец, надо уважать Александровский сад, который сам по себе - памятник народной победы над Наполеоном. Что, не хватает земли? Мало нам уничтоженного Зарядья! Варварская традиция переустройства по-прежнему жива, и снесенная гостиница «Москва» это подтверждает. После окончания Великой Отечественной в ней за одним столом собрались командующие всех союзных армий, а теперь на месте памятника истории появится очередная новодель. Гостиница обветшала? Чепуха! Мой отец был в числе ее строителей и о прочности здания знал не с чужих слов.

Да, город развивается, но ни в одной столице мира при этом не трога-

ют исторический центр. Даже если он разрушен до основания, его тщательно восстанавливают, как произошло, например, с Варшавой. Ее жители после рабочего дня руками разбирали руины. В Старом городе даже выделен подлинный фрагмент чудом сохранившейся стены, и поляки приходят туда, прикасаются к камням ладонью, потому что это часть их истории.

- Но, в конце концов, далеко не все так трепетно относятся к старым памятникам. Мало ли у москвичей других забот, порой и по-серьезнее...

- Памятники важны не сами по себе. Одно из последствий нашего безразличия к истории - разгул криминала. Мы все разные, и нас ничто не объединяет. А ведь когда-то это делала русская культура с ее веротерпимостью, уважением к каждому народу. Уважение друг к другу - вот чему учит нас русская история. Я москвичка в пятом поколении, выросла в московской коммунальной квартире, где двери никогда не запирались, а если кто заболел, все старались чем-то помочь. К счастью, нет теперь коммуналок, но куда подевались прежние ценности?

- Кстати, о ценностях, но уже культурных. Ваша квартира напоминает филиал Эрмитажа. Трудно представить, что это - частное собрание...

- Старинная мебель - еще от деда, из его варшавской квартиры. А картины собрал другой родственник, дед моего мужа, Иван Егорович Гринев. Он был из обедневших ярославских помещиков, в 13 лет поступил учеником декоратора. Вырос в театрального художника, работал в московской конторе императорских театров. Долго не женился и все деньги тратил на приобретение живописи. Покупал картины на зарубежных аукционах в Мадриде, Антверпене, Роттердаме. Так росло его собрание. Даже построил для своей коллекции специальный музей в Красносельском переулке. И только когда разместил всю свою коллекцию - женился. Было ему 73 года.

- Как же эта коллекция пережила российские потрясения?

- Дед был человеком смекалки и уже после Февральской революции сообразил, что коллекцию надо прятать. Соседям сказал, что будет ремонтировать дом. С помощью реставраторов картины упаковали, сложили на чердаке и засыпали строительным мусором. Через год дед умер от сыпняка, а дом вскоре конфисковали и устроили коммуналки. Картины пролежали тридцать лет, а когда муж вернулся с фронта, то достал картины. Вот за вашей спиной - «Кающаяся Магдалена», одна из последних работ Тициана, он ее написал в 90 лет. В том углу - «Троица» кисти Эль Греко. А рядом - Леонардо да Винчи, «Мадонна с книгой»... По желанию деда мы хотели сделать общедоступный семейный музей, чтобы люди могли прийти, посидеть с нами за чайным столом, почувствовать обстановку давно минувших дней. Но у нас тесно, ведь большую часть квартиры занимают экспонаты, они даже вытеснили обычную мебель. Между прочим, креслу, в котором вы сидите, уже больше двух столетий... Мы хотели выкупить под музей соседнюю квартиру, завезла ее городу, или по крайней мере взять в пожизненную аренду. Ничего не получилось. Жаль, что такими сокровищами могут любоваться лишь наши друзья.

- Вы много ездите по свету, многое повидали. Что бы хотелось еще увидеть?

- Пожалуй, Данию, я там еще не была. До сих пор жива детская мечта побывать там, где легендарный Гамлет, принц датский, размышлял над вечными вопросами.

- А в России?

- У нас я бы хотела увидеть образованных чиновников, понимающих, что исторические памятники имеют не только нравственное, но и экономическое значение. Ведь любой мало-мальски грамотный турист платит деньги за возможность увидеть подлинник, а не подделку под старину. Ну как это объяснить нашим властям?..

Евгений КРУШЕЛЬНИЦКИЙ